

У. Я ПОЛУЭКТОВИЧ

МИША БРЮКИН В СТРАНЕ ПРИШЕЛЬЦЕВ

Утро началось странно. Жена, обычно сдержанная и не склонная к сюсюканью, за завтраком вдруг прошептала приторным голосом:

– Привет, детка! Ты хорошо спал прошлой ночью?

– Привет, детка, – передразнил Миша Брюкин. – Прошлой ночью так себе, зато этой – хорошо. А чего ты вдруг спохватилась?

– Ты не можешь так со мной разговаривать, – обиделась жена. – Я просто хотела убедиться, что ты в порядке.

«“Не можешь”, “в порядке”, – проворчал про себя Брюкин. – Дура набитая! Чего это с ней сегодня?», – но ничего не сказал.

И новости по телевизору были какие-то странные. Вроде бы очень похожие на те, что обычно бывают с утра, но понять их смысл у Брюкина не получалось.

«Маленького жирафа родила жирафиха Соня из Московского зоопарка, – бойко рапортовал диктор. – Как известно, ожидалось, что его родит коала Брунгильда из зоопарка швейцарского города Цюриха. К другим новостям. Иранский шпион был задержан в нью-йоркском аэропорту “Ла Гуардиа” сегодня. Таким образом, долго дискутировавшийся в масс-медиа вопрос о том, где и когда будет задержан шпион, можно считать закрытым. Ранее на этой неделе наш телеканал рассказывал о том, как этот шпион готовился к миссии в США и получал визу».

Приехав на работу, Брюкин был неприятно удивлен новыми вывесками, которые начальство развесило, видимо, в выходные. Нет, конечно, порядок должен быть, против этого Брюкин не возражал, но «Выключите Ваш мобильный телефон»? «Спасибо Вам за некурение?» «Сотрудники офисов, расположенных на третьем этаже, должны пользоваться туалетом в конце коридора»? В груди у Брюкина зашевелилось смутное желание выключить чужой мобильный и воспользоваться таким туалетом, чтобы даже сварливый составитель вывесок не знал, что сказать.

В дверях он столкнулся с сияющим Колей Слицким.

– Я должен сказать тебе что-то! – торжественно объявил Коля. – Маша и я. Мы сделали это!

Брюкин озадаченно вскинул бровь.

– Мы решили пожениться!

– Поздравляю, Слицкий! Ну наконец-то? Рад? А что она?

– Я очень счастлив в данный момент, – так же торжественно продолжал Коля. – Это очень важное решение для нас. Семья требует значительных инвестиций времени и эмоциональной вовлеченности, но я думаю, мы сможем сделать так, чтобы это работало. Господи Иисусе! Это самый счастливый день, который когда-либо у меня был.

– Что ж... – промямлил Брюкин, – славно. Дай вам, Бог, как говорится... Действительно, семья – это вообще...

Тут ему в голову пришла тревожная мысль:

– Коль, а вы с Машей не того, а? Не в секте случайно?

Материал опубликован на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/artlr.html>

– Эй! – вскинулся Коля. – Что заставляет тебя думать так? Я в порядке!

Коля обиженно проследовал к своему столу, а Брюкин сокрушенно глядел ему вслед.

– Ну всё, пропал парень! Маша ему, что ли, мозги промыла? Ишь ты – «эмоциональная вовлеченность»!

В обеденный перерыв Брюкин забежал в магазин купить кое-чего для дома по мелочи. Мыло, порошок, шампунь... Впрочем, с шампунем получилась накладка. Волосы у Брюкина так себе: тоненькие и жидкие, а шампуни все, как значилось на этикетках, только «для сильных и густых» волос. Из любопытства Брюкин решил было взглянуть на их состав (чем там только сильные и густые волосы можно мыть?), но состава не нашел. На этикетке сзади были только черточки и кольца химических формул. Правда, формулы были не совсем такие, как в учебниках химии: вместо привычных «О», «Н» и «Са» стояли «протеины шелка», «липиды хлопка», «энзимы чабреца» и какие-то «омеги 10 плюс», но все это называлось формулой, а про состав ни слова. Перебрав с десятков бутылочек, Брюкин со вздохом поплелся к кассе: видимо, таких, как он, современная химическая промышленность списала со счетов.

У кассы он все же задержался – то ли из усталого любопытства, то ли из смутного желания проявить свое, хотя изрядно притупившееся, волевое начало.

Скандалила пожилая женщина: пенсионерке почему-то пробили десяток яиц по цене двенадцати. Юное лицо кассирши выражало растерянность; бормоча «дюжина, дюжина», она глядела то в чек, то на аппарат; наконец, не найдя ничего лучше, предложила женщине набор наклеек на все случаи жизни: «Ребенок в машине», «Ребенок в песочнице», он же – «в детском саду»...

Брюкин грозно встрял в разговор:

– А где у вас тут старший по отделу?!

(«Черт с ним, с шампунем, хоть доброе дело сделаю...»).

– Менеджер, – отвечала кассирша по-прежнему растерянно, – на международном форуме...

И вдруг посмотрела на Брюкина взглядом тоскующей Ассоль:

– Я верю, он вернется через восемь недель...

По дороге назад Брюкин заметил толпу людей у перекрестка: собрались посмотреть на аварию. У тротуара лежал молодой мужчина весь в крови; над ним склонилась женщина постарше, видимо мать, но вела она себя как-то странно. Не замечая, что сын без сознания, все спрашивала, в порядке ли он, всплескивала руками и, закатив глаза, сообщала зевакам, что она шокирована. Тут же рядом стояли полицейские, причем, они не столько помогали, сколько препирались. До Брюкина долетали обрывки фраз:

– Я офицер полиции, и заниматься этим...

– Мы тут все офицеры, так что...

– Господа офицеры! Попрошу не забываться!

Но тут подъехала военная машина с красным крестом, пострадавшего погрузили на носилки и увезли. «В госпиталь», – зашептали в толпе. «Ничего себе, – подумал Брюкин. – Составлять протокол вызывают одних офицеров, увозят в военный госпиталь. Надо будет все-таки еще раз новости послушать: может, у нас опять взорвалось чего».

Материал опубликован на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»
<http://www.thinkaloud.ru/artlr.html>

К концу рабочего дня Миша терялся в догадках: кто сошел с ума – он или окружающие? В обоих случаях выводы напрашивались неутешительные. Поэтому, когда подвозивший его домой сослуживец, махнув на прощанье рукой, бросил: «Увидимся позже. Береги себя», – Брюкин не нашел в себе сил возразить, что он приехал домой не на тигров охотиться, а посему никакой опасности своей жизни, здоровью и благополучию не наблюдает. Но на всякий случай подозрительно оглядел близлежащие кусты и мусорный контейнер.

У подъезда забрезжил луч надежды. Луч брезжил в образе Матвейча, брюкинского соседа с шестого этажа. Луч в рваной майке сидел на скамейке и, зевая, почесывал правую лодыжку.

Матвейч круглосуточно пребывал в состоянии, известном в народе как «под шофе». Иногда шофе ложилось на него нестерпимым бременем, и Матвейч затевал скандал. При этом ругался он изобретательно, сочно, густо.

По зыбкому взгляду Матвейча Миша понял, что шофе налегло на него всей своей тяжестью, и приготовился к перебранке. После сегодняшнего он был даже рад: словесные помои могли обернуться живительной влагой. Хотя и грязное, а все же человеческое слово.

Матвейч оставил в покое лодыжку, дернул небритой щекой и выпалил:

– Какого черта ты делаешь, Брюкин? Твоя проклятая кошка опять не дала мне уснуть всю прошлую ночь! Держу пари, у нее проблемы с сексом! Просто сделай что-нибудь! Заткни это чертово животное, прежде чем я вызвал чертовых копов!

В глазах у Миши потемнело, и в этой темноте под зловещую музыку замелькали титры.